
СОЦИОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ББК 60.542.2

Е. О. Цалко, Т. Б. Рябова

РУССКОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРНЫХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ (По результатам социологического исследования)¹

«Европа» представляет собой один из важнейших компонентов российской идентичности; на протяжении столетий отечественная мысль в лице славянофилов, западников, большевиков, евразийцев задавалась вопросом, является ли Россия европейской страной, в какой степени русские являются европейцами [19]. Большие ожидания по поводу сближения России и Запада, зародившиеся в начале постсоветской эпохи, сменились разочарованием, о чем, в частности, свидетельствуют результаты социологических опросов. Если в 2000 г. большая часть россиян чувствовали себя европейцами и хотели оставаться таковыми [8], то, согласно данным опроса Левада-центра, проведенного в декабре 2006 г. и широко растиражированного СМИ, 71 % соотечественников не считали себя европейцами; лишь 20 % полагали, что Россию можно отнести к европейской культуре [2].

Чем русские отличаются от европейцев? Обычно в качестве идентификаторов выступают политические, конфессиональные, географические, исторические и ряд других различий². Мы бы хотели привлечь внимание к роли гендерных идентификаторов в проведении символических границ между рускостью и европейскостью. Следует пояснить, что оба понятия мы будем использовать для характеристики коллективной идентичности — русских и европейцев. Разумеется, мы отдаем отчет в том, что едва ли возможно говорить о единой европейской культуре: слишком уж различны национальные культуры стран, составляющих современную Европу. Вместе с тем, несмотря на подобную гете-

© Цалко Е. О., Рябова Т. Б., 2010

¹ Выражаем признательность доктору М. Жаковской (Лодзинский университет) за помощь в сборе материала.

² В одном из экспресс-опросов, который мы проводили в г. Иванове, респонденты приписали Европе такие ценности, как материальная обеспеченность (80,0 %), демократия (78,2 %), уважение к праву (72,7 %), ориентация на карьеру (76,4 %), здоровый образ жизни (74,5 %), между тем как российскими ценностями были названы патриотизм (85,5 %), любовь (81,8 %), крепкая семья (67,3 %).

рогенность, мы считаем вполне допустимым исследовать европейскость как феномен идентичности, касается ли это осознания различными европейскими нациями своей принадлежности к единой Европе или же противопоставления себя Европе представителями других регионов.

Вначале мы остановимся на методологии анализа, уточнив ключевые понятия коллективной идентичности; затем обозначим основные способы включения гендерных идентификаторов в образ российско-европейских отношений; наконец, на материале собственных *эмпирических* исследований мы постараемся показать, как образы мужественности и женственности участвуют в проведении границ между русскостью и европейскостью.

Коллективная идентичность может быть определена как формирующееся на основе общности интересов и ценностей состояние групповой солидарности, включающее уровни коллективный (осознание и переживание группой своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидами своей принадлежности к группе) [6]. Для интерпретации данного феномена важное значение имеет исследование референтного характера идентичности, которое возводят к работам британского исследователя Г. Тэджфела. Согласно его идеям, образы собственной группы и чужой группы не являются изолированными: репрезентации Своих и Чужих обуславливают друг друга [21]. Реляционная парадигма идентичности постулирует понимание коллективной идентичности как в первую очередь отношения между Своими и Чужими. Таким образом, границы между Своими и Чужими представляют собой ключевой компонент идентичности любого сообщества (подробнее о роли границ см. [10]).

Как известно, одним из первых обратился к проблеме символических границ между культурами норвежский антрополог Ф. Барт. Он отметил, что границы создаются при помощи особых маркеров, или диакритиков, — элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (одежда, язык, стиль жизни и др.). [14, р. 54] (см. об этом [10]). Такими маркерами, «символическими пограничниками», могут выступать и гендерные идентификаторы, что было исследовано в монографии Н. Юваль-Дэвис [22, р. 23].

Гендерные идентификаторы значимы по нескольким причинам. Пол является одним из важнейших факторов жизни человека. Он легко им познается, и стереотипные представления о мужчинах и женщинах легко соотносятся с его или ее личным опытом; кроме того, важное значение имеет то, что отношения полов воспринимаются едва ли как не самые очевидные, понятные, а потому легитимные [15, р. 64; 16] (см. подробнее [11]).

При этом гендерные идентификаторы не только помогают определить Своих и Чужих, но и вырабатывают систему оценок и предпочтений. Это находит выражение прежде всего в том, что, как показал Г. Тэджфел, оценки Своих и Чужих определяются при помощи принципа ингруппового фаворитизма. Как известно, одна из ведущих потребностей человека — стремление к позитивной идентичности, которая достигается путем сравнения индивидом собственной группы с аутгруппой. В результате этого сравнения аутгруппам атрибутируются по преимуществу негативные качества, в то время как ингруппам — пози-

тивные [21, p. 157—159]. В случае использования гендерных идентификаторов гендерный порядок Своих репрезентируется, как правило, в качестве нормы (Свои мужчины — самые мужественные, Свои женщины — самые женственные и т. д.), в то время как гендерный порядок Чужих — в качестве девиации.

Принцип ингруппового фаворитизма проявляется и в том, что Свои маркируются преимущественно как мужественные и описываются в терминах с мужскими коннотациями, в то время как Чужие — как женственные: в силу такого фактора гендерных отношений, как андроцентризм культуры, мужское рассматривается в качестве позитивного, а женское — в качестве периферийного, подчиненного. Разумеется, не следует абсолютизировать действие принципа ингруппового фаворитизма: помимо отмеченных психологических закономерностей, важным фактором восприятия той или иной культуры выступают ее объективные характеристики, которые сложно игнорировать (например, религиозность поляков), устойчивые ауто- и гетеростереотипы (например, пунктуальность немцев, красота польских женщин) и т. д.

Таким образом, при помощи гендерных идентификаторов утверждаются и подтверждаются отношения неравенства и контроля. Не удивительно поэтому, что они становятся особенно востребованными в условиях противостояния сообществ и тем более в ситуации конфликта. Так, в постколониальных исследованиях отмечается роль гендерных идентификаторов в отношениях Запада и Востока; еще в работах Э. Саида было установлено, что в западном дискурсе о Востоке *homo occidentalis* представлен как мужчина, в то время как для репрезентации восточности используется метафора женственности — что служило обоснованию колониального порядка [19] (см. подробнее [10]). Р. Коннелл показал, что пространством конкуренции маскулинностей в условиях глобализации становятся межнациональные отношения, равно как и глобальные рынки [4, p. 857—858].

В истории взаимоотношений России и Европы гендерные идентификаторы также занимают заметное место. Прежде всего оговоримся, что, поскольку Россия далеко не всегда исключалась из Европы [17], гендерные маркеры служат не только противопоставлению России и Европы, но и уподоблению ей. При этом русские противопоставляют себя при помощи маркеров европейскости — в том числе европейских мужественности и женственности — неевропейским Чужим, например в колониальном дискурсе. Если же говорить о противопоставлении Европы России, то одним из наиболее известных примеров является оппозиция маскулинного Запада и фемининной России (заметим, что были и другие варианты гендерной метафоризации, скажем противопоставление гипермаскулинного СССР и изнеженной буржуазной Европы) [10]. Кроме метафор, роль гендерных идентификаторов выполняли образы мужчин и женщин. Так, в русской культуре активно функционирует образ русской женщины; исследователи говорят даже о мифологизации этого образа. Согласно этому мифу, русскую женщину отличают нравственная (а иногда и физическая) сила, забота, любовь-жаление, сострадание, жертвенность [10, с. 31]. Иногда ей приписывают и сотериологическую миссию спасения русского мужчины и России. Как показывают социологические и лингвистические исследования, такие представления сохранились до сегодняшнего дня [11; 3, с. 155—157].

Западный дискурс о России тоже пользуется гендерными идентификаторами для проведения символических границ. Так, гендерная метафора (например, «Россия-Матушка» [9]) нередко включается в репрезентации международных отношений и в русофобском, и в русофильском дискурсах. Роль символических пограничников выполняют и образы русских женщин и мужчин, в негативном ли смысле (встречающийся в современных западных СМИ образ примитивных русских мужчин, «инфантильных алкоголиков со средневековым менталитетом»; см., напр., [7]), в позитивном ли (тот же миф о русской женщине, который также обеспечивает большую отчетливость, «видимость» границ Европы). Подчеркнем, что подобные практики отнюдь не являются достоянием истории. Как показано в исследовании Э. Нойманна, в эпоху после Холодной войны идентичность единой Европы, укрепление европейскости, в значительной степени создается за счет противопоставления России, а иногда и откровенной русофобии [18].

Таким образом, гендерные идентификаторы обнаруживают свою значимость в дискурсе российско-европейских отношений, будь то история культуры или современные медиа. В какой степени это присутствует в массовом сознании сегодня?

Для того чтобы социологическими методами выявить гендерные аспекты противопоставления русскости и европейскости, мы провели экспресс-опросы в гг. Иванове (Россия) и Лодзи (Польша). Русские респонденты в Иванове (май 2009 г.) сравнивали русских мужчин и женщин с европейскими. Опрашиваемых просили выбрать из списка несколько характеристик, которые, на их взгляд, в большей мере присущи русским женщинам, чем европейским, а также те, которые европейским женщинам присущи в большей мере, чем русским. В аналогичной форме вопрос задавался в отношении русских и европейских мужчин.

В чем же различаются, по мнению соотечественников, русская и европейская женщины? Русская женщина более красивая (78,2 %), сострадательная (52,7 %), мягкая (41,8 %), верная (40,0 %) и сильная (36,4 %). Превосходит она европейку и в заботе о семье (67,3 %). При этом наша соотечественница практически лишена таких качеств, как лицемерие, эгоизм, а также сексуальная раскрепощенность. Такой «грех» современной западной женщины, как феминизм, также не имеет почвы в России. Европейку же, сравнивая с русской, респонденты характеризовали как более независимую (78,2 %), эгоистичную (47,3 %), расчетливую (43,6 %) и, наконец, как феминистку (38,2 %). Ей отказано в таких качествах, как сострадание, верность, мягкость; ненамного лучше обстоит дело с красотой (табл. 1). (Об устойчивости подобных представлений может свидетельствовать то обстоятельство, что эти данные в целом совпадают с результатами, полученными Н. А. Курнаевой [5, с. 93—94]).

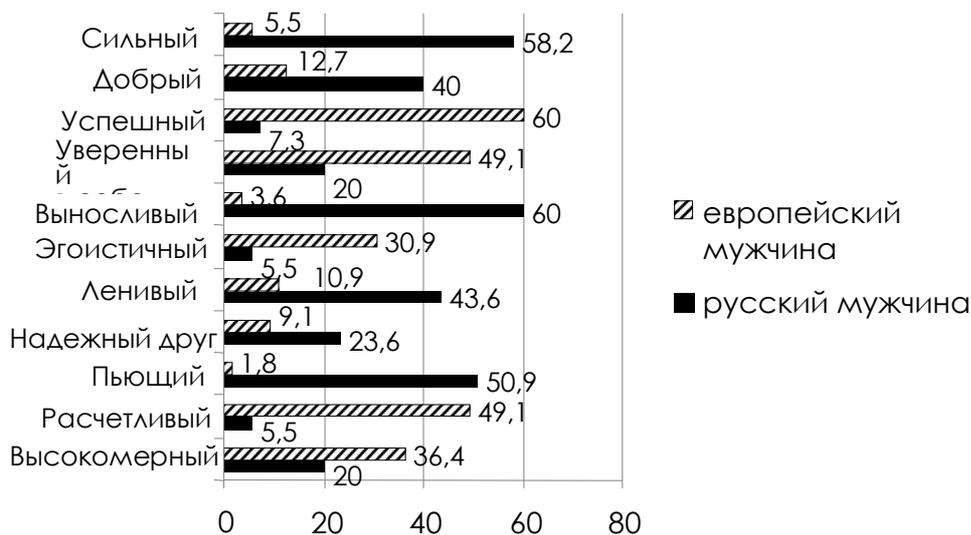
Следовательно, русские женщины воплощают нормативную женственность — за исключением все той же силы, которая, напомним еще раз, очень важна для мифологизации национальной женственности в России. Своих, русских, женщин респонденты описывают в категориях экспрессивных качеств [12], традиционно считающихся неотъемлемой чертой стереотипа женщины, — качеств, связанных с теплотой и заботой, с успешной межличностной коммуникацией [20]. В свете ценностей русской культуры подобный образ русской женщины позитивен, а образ европейской женщины скорее негативен.

Таблица 1

Взгляд российских респондентов на качества, присущие русским и европейским женщинам, %

Качество	Европейские женщины более...	Русские женщины более...
Независимые	78,2	12,7
Лицемерные	20,0	1,8
Красивые	9,1	78,2
Сострадательные	0	52,7
Феминистки	38,2	5,5
Расчетливые	43,6	12,7
Образованные	29,1	20,0
Верные	5,5	40,0
Мягкие	3,6	41,8
Сильные	25,5	36,4
Эгоистичные	47,3	1,8
Сексуально раскованные	29,1	3,6
Заботятся о семье	3,6	67,3

Индивидуальный фаворитизм проявляется, хотя и с некоторыми оговорками, и при сопоставлении русских и европейских мужчин.

Сравнение качеств, присущих русскому и европейскому мужчинам, %

Русские превосходят европейцев в силе и выносливости, которые в целом соответствуют нормативной мужественности *per se*, считают респонденты.

Способность быть надежным другом, равно как и доброта, — это те качества, которые отвечают национальным канонам маскулинности в русской культуре. Наконец, Своим приписываются пороки: лень и пьянство (хотя рискнем высказать предположение, что данные качества рассматриваются как определенного рода продолжение достоинств: душевности, открытости, отсутствия излишней заботы о материальных благах — и, на наш взгляд, расцениваются как амбивалентные, во всяком случае если не в быту, то в плане концептуализации в дискурсе национальной идентичности). Европейца характеризуют как успешного (60,0 %), уверенного в себе (49,1 %), расчетливого (49,1 %), высокомерного (36,4 %). В меньшей степени, чем русскому, европейцу приписывают такие черты, как доброта и способность быть надежным другом (рис.).

Два экспресс-опроса, которые мы провели в Лодзи (июнь — июль 2009 г., N=88), преследовали цель выявить роль гендерных идентификаторов в построении границы между Европой и Россией, во-первых, и границ внутри Европы, во-вторых.

В ходе первого опроса польским респондентам предлагалось сравнить своих соотечественников и соотечественниц с русскими мужчинами и женщинами, выбрав те качества из предложенного списка, которые в наибольшей степени характеризуют отличия поляков от русских и наоборот. Гипотеза состояла в том, что лодзинские респонденты будут противопоставлять поляков и русских на основании критерия европейскости, наделяя Своих мужчин и женщин теми чертами, которые традиционно считаются европейскими (т. е. прежде всего агентивными качествами, связанными с деловой активностью), и атрибутируя русским качества экспрессивные. Во втором опросе по сходной методике сравнивались поляки и немцы. Замена национальной группы для сравнения, новый социальный контекст, повлечет за собой, как мы предполагали, и изменение образа Своих. Известно, что поляки считают себя в большей степени европейцами, чем русских, и в меньшей степени, чем немцев [1, с. 276]. Данная закономерность, очевидно, должна проявляться и в гендерном измерении: различия в польских образах немцев и русских позволяют выявить представления о европейских мужчинах и женщинах.

Результаты этих двух опросов демонстрируют, что, сопоставляя Своих женщин с русскими и немецкими, польские респонденты нарисовали два различных автопортрета. При сравнении с русскими женщинами респонденты описывали поляк как европейек, атрибутируя им практически те же качества, которые, как мы видели, считают признаком современной европейской женственности и наши соотечественники (табл. 2). Польские женщины, по мнению опрашиваемых, более независимы, чем русские (72,7 %), в большей степени феминистки (51,5 %). Меньшее число респондентов считают, что польские женщины превосходят русских в красоте, образованности, целеустремленности (по 27,3 %), мягкости (18,2 %), заботе (9,1%), сострадании и верности (по 6,1 %). Лишь немногие убеждены в том, что польки более достойные, чем русские, хранительницы домашнего очага (6,1 %).

Наша гипотеза подтвердилась: характеристики польских женщин, отмечаемые лодзинскими респондентами, чаще всего (за исключением, пожалуй, красоты) относятся к инструментальным качествам, связанным с действием,

активностью, компетентностью, а находящиеся внизу списка и чаще приписываемые русской женщине — к экспрессивным качествам, связанным с эмоциональной теплотой и межличностным общением.

Таким образом, атрибутирование польским женщинам инструментальных, деловых, характеристик связано с маркировкой собственной европейскости и «неевропейскости» русских.

Сопоставление польских и немецких женщин, проводимое в рамках другого опроса, дало иные результаты (табл. 2). Именно польским женщинам теперь приписывали экспрессивные качества. По сравнению с немками, польки оценивались как более мягкие (50,0 %), заботливые (36,4 %), достойные хранительницы семейного очага (45,5 %), сострадательные (45,5 %), верные (22,7 %).

Если по сравнению с русской женщиной независимость как отличительное качество польской женщины отмечали 72,6 % респондентов, то по сравнению с немкой — только 13,6 %; сострадание польки по сравнению с немкой подчеркивали почти половина опрошенных (45,5 %), а по сравнению с русской — только 6,1 % (табл. 2).

Следовательно, на оценку Своих и Чужих женщин влияет, среди прочего, социальный контекст. Анализируя степень женственности полек, немок, русских, наличие или отсутствие у них качеств, связанных с деловой сферой или межличностным общением, польские респонденты одновременно оценивают женщин по другой шкале: насколько они соответствуют или не соответствуют канону западной женственности — деловой, целеустремленной, независимой феминистки.

Таблица 2

**Взгляд польских респондентов на качества, присущие польской женщине
в сравнении с русской и немецкой женщинами, %**

Польские женщины более...	По сравнению с русской, %	По сравнению с немкой, %
независимые	72,7	13,6
феминистки	51,5	9,1
красивые	27,3	77,3
целеустремленные	27,3	4,5
образованные	27,3	22,7
расчетливые	24,2	4,5
успешные	18,2	9,1
мягкие	18,2	50,0
эгоистичные	15,2	0
лицемерные	12,1	0
сексуально раскованные	12,1	4,5
заботливые	9,1	36,4
сострадательные	6,1	45,5
верные	6,1	22,7
хранительницы семейного очага	6,1	45,5

Портрет польского мужчины был также различен в двух опросах. Свои, польские, мужчины, по сравнению с русскими, оценивались как более сдержанные (43,8 %), умные (25,0 %), независимые и уверенные в себе (по 21,9 %). Сравнивая своих мужчин с немцами, респонденты чаще всего выбирали такие характеристики, как пьющий (54,5 %), ленивый (36,4 %), заботливый (31,8 %), мужественный (31,8 %). Менее 10 % опрошенных выбрали варианты ответов, предполагающие, что польский мужчина более сдержан, независим, уверен в себе, высокомерен и силен. Как видим, в целом закономерности ранжирования, отмеченные выше, проявляют себя и в данном случае.

В заключение заметим, что, разумеется, выводы, полученные на материале небольших экспресс-опросов, необходимо проверить на более репрезентативном материале. Предварительные же итоги можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, можно констатировать, что гендерные идентификаторы принимают участие в проведении символической границы между рускостью и европейскостью, а также внутри Европы.

Во-вторых, полученные данные позволяют предположить существование не только этнических стереотипов (немцы, поляки и др.), но и стереотипов европейской женщины и европейского мужчины. Качества, которыми европейцы наделяются русскими респондентами, в целом соответствуют тем взглядам на Европу, которые характерны для отечественной культуры на протяжении длительного времени и которые являются важным фактором специфики конструирования национальной идентичности России. Более того, можно предположить и существование стереотипов западного мужчины и западной женщины, о чем свидетельствует сравнение результатов этих опросов с данными, полученными нами в ходе исследования стереотипов американцев [13]. К примеру, респонденты приписывали американским женщинам такие черты, как независимость (69,0 %) и успешность (48,0 %), целеустремленность (45,0 %), а американским мужчинам — расчетливость (75,0 %), высокомерность (67,0 %), индивидуализм (60,0 %), самодостаточность (59,0 %), инициативность (52,0 %), эгоистичность (52,0 %), амбициозность (50,0 %) [13].

В-третьих, в зависимости от того, кто выступает Чужим, набор характеристик собственной национальной общности меняется. Мы показали, как этот факт, установленный исследователями ранее, работает в процессе гендерной идентификации. Таким образом, представления о гендерных характеристиках Своих и Чужих оказываются контекстуальными.

Библиографический список

1. Данилова Е. К. Гражданские и этнические идентификации в России // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С. 268—292.
2. Еврофобия : Левада-центр: 71 процент россиян не считают себя европейцами // Грани.Ру. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/d.128604.html?rm=sform&thread=1552085> (дата обращения: 15.01.2010).
3. Кирилина А. В. Гендер : лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 180 с.

4. *Коннелл Р.* Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 851—880.
5. *Курнаева Н. А.* Русскость, польскость, немецкость глазами российских студентов: гендерные аспекты // *Polacy i Rosjanie — przewycięzanie uprzedzeń = Поляки и русские — преодоление предубеждений / pod red. A. de Lazari, T. Ronginskiej.* Łódź : Ibidem, 2006. S. 85—95.
6. *Курнаева Н. А., Рябов О. В.* «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // *Гендер : язык, культура, коммуникации : материалы Третьей Междунар. конф., 27—28 ноября 2003 г.* М. : РЕМА, 2006. С. 239—246. (Вестн. МГЛУ ; вып. 518 ; сер. : Лингвистика).
7. Праздник исчезающего вида — русского мужчины («Le Figaro» от 2 марта 2006 г.). URL: <http://www.inosmi.ru/translation/225864.html> (дата обращения: 24.03.2010).
8. Российское общественное сознание о судьбах России в XX веке и будущем : (материалы социологического обзора) // *Альтернативы.* 2000. № 4 ; 2001. № 1. URL: http://www.alternativy.ru/old/magazine/htm/01_1/monitor.htm (дата обращения: 15.01.2010).
9. *Рябов О. В.* «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии // *Обществ. науки и современность.* 2000. № 4. С. 116—122.
10. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка» : национализм, гендер, война в России XX века. Штутгарт ; Ганновер : Ibidem, 2007. 290 с.
11. *Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
12. *Рябова Т. Б.* Этническая вариативность гендерных стереотипов // *Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского.* Сер. : Соц. науки. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2009. № 1. С. 317—323.
13. *Рябова Т. Б., Лямина А. А.* Антиамериканизм по-ивановски: к вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов // *Границы : альм. Центра этнических и национальных исследований ИвГУ.* Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. Вып. 1 : Этническая ситуация в Ивановской области. С. 75—86.
14. *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries : the Social Organization of Culture Difference / Ed. by F. Barth.* L. ; Bergen : Universitetsforlaget, 1969. P. 9—38.
15. *Blom I.* Gender and Nation in International Comparison // *Gendered Nations : Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century / Ed. by I. Blom, K. Hagemann,* C. Hall. Oxford ; N. Y. : Berg, 2000. P. 3—26.
16. *Kahn K. F.* Political Consequences of Being Woman : How Stereotypes Influence the Conduct and Consequences of Political Campaigns. N. Y. : Columbia University Press, 1996. 192 p.
17. *Malia M. E.* Russia under Western Eyes : from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.) ; L. : Harvard University Press, 1999. 514 p.
18. *Neumann I. B.* Constructing Europe: Russia as Europe's Other // *Political Symbols, Symbolic Politics : European Identities in Transformation / Ed. by U. Hedetoft.* Aldershot ; Brookfield : Ashgate, 1998. P. 226—266.
19. *Said E. W.* Orientalism. N. Y. : Pantheon Books, 1978. 368 p.
20. Sex Role Stereotype: a Current Appraisal / I. K. Broverman, S. R. Vogel, D. M. Broverman, F. E. Clarkson, P. S. Rosenkrantz // *J. of Social Issues.* 1972. Vol. 28, № 2. P. 59—78.
21. *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press ; P. : Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1982. 528 p.
22. *Yuval-Davis N.* Gender and Nation. L. ; Thousand Oaks (Cal.) : Sage Publications, 1997. 157 p.